

Преодолевающая неолиберализм в субъекте желания

Александр Бикбов

Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: нло, 2010. 432 с.

Российскому читателю будет непросто оценить книгу Кристиана Лавала с одного взгляда. Она посвящена самому недавнему, самому сильному такту в динамике капитализма — становлению неолиберального порядка, сети которого вот уже несколько лет явственно тлеют новыми катаклизмами. При этом порядочная часть книги выстроена вокруг вполне классических фигур и понятий политической экономии: Бентам и Юм с принципом пользы, Смит и Рикардо со всеобщей конкуренцией, Маркс с политическим интересом. Не слишком ли велик хронологический разрыв? Словно в ответ, все эти «классические» сюжеты переконпунются в перспективе наблюдения за работой дисциплинарных механизмов и индивидуального самоконтроля, первичное объяснение которым предложил Фуко. Такой поворот придает книге совсем непривычный, беспрецедентный в российском контексте тон. И поскольку понятийный ряд политэкономии обладает особой суггестией в нашем восприятии, которое мгновенно узнает его и тут же по привычке отбрасывает, а в не менее узнаваемом фукольдианском анализе довольно часто слышится что-то не вполне дозволенное, есть некоторый риск, что главное сообщение этой книги так и останется спрятанным от читателя в зазоре между нашим узнаванием-отталкиванием и немного постыдным любопытством.

Переформулируя, можно сказать: есть риск, что книга будет принята скорее как рассказ «про них», а не как критическое размышление «о нас всех». Главное же ее сообщение, как и причина появления на русском языке, как раз в том, что *все это* про нас. Нас, пасынков европейского Нового времени, ставшего

не только и не столько эпохой великих научных и географических открытий, сколько периодом не менее масштабной трансформации субъективности и мелочной, а потому особенно действенной регламентации всех производств. Одним из основных результатов такой трансформации стал субъект-«счетовод» — мы сами, чьи цели и свершения, удовольствия и страдания, труд и отдых могут, должны быть исчислены и учтены универсальной бухгалтерией эффективности; лишь это делает их легитимными. Движение от множества дискретных миров к вселенной всеобщего обмена прослеживается в книге отрывистыми скачками, но анализ теорий всеобщего блага снабжен не самыми избитыми историческими ссылками. Цель Лавала явно не сводится к игре в теорию. Он пытается показать, как в некоторых движениях мысли, институтов, категорий работников кристаллизовалась та система самопринуждения к всеобщей конкуренции между предприятиями и между индивидами, которая достигла апогея в современном западном нормативном режиме, известном под именем неолиберализма.

Ключевое слово «западный» как раз и способно остановить российского читателя: раз это не про нас — нечего беспокоиться. Между тем поводов для беспокойства хватает. Речь идет не о географической, а, скорее, о технологической заданности региона, освоенного новым политико-экономическим режимом, который подчиняет себе одновременно социальные институты и индивидуальную мотивацию. Привлекательность этих технологий во многом объясняется их простотой и действенностью. Насколько проще пользоваться цифрами и деньгами в торговом обмене, нежели расплывчатыми оценками блага? Или оценивать

результат работы не по качеству продукта, а по затраченному на него времени? Проблема в том, что эти технологии не остаются частью внешнего мира. Они могли стать достаточно эффективными лишь тогда, когда мы сами, добровольно и нередко того не замечая, принялись заботиться об их соблюдении. То есть когда они стали структурами нашей субъективности: мерилем стремлений, достижений, отношений и самооценки.

В результате наши действия направляют не внешние принуждения, будь то принуждение к в общем-то некомфортным для нас дисциплине или конкуренции. Наиболее эффективно принуждение действует тогда, когда мы не распознаем и не признаем его в качестве такового: мы не просто заключены в стальную клетку эффективных институтов; следуя оригинальной веберовской метафоре, мы помещены в стальной панцирь, который, сами того не замечая, носим как современные и рациональные люди. Надеюсь ослабить этот двойной стальной захват, «ошибочно думать, что достаточно поменять только экономическую структуру, то есть объект и цель политики... Как раз наоборот, [нужно] говорить о том, что весь человеческий опыт, все отношения, которые люди поддерживают друг с другом, управляются принципом полезности, а значит, если мы хотим обновить социальную критику, необходимо учитывать и антропологическую составляющую» (с. 370). Такой урок автор извлекает из наблюдения за историей капитализма, который в силу эффективности предлагаемых им техник контроля и самоконтроля перестает быть исключительно европейским или исключительно западным явлением, реализуясь в двойственности внешних принуждений и субъективных влечений. И поскольку задача, которую ставит перед собой Лаваль, не простая констатация, но поиск возможного выхода, одним из стержневых по завершении анализа оказывается вопрос о действенных видах критики и средствах освобождения. Ответ на него автор дает в духе 68-го и революции повседневности: «Настоящая критика утилитаризма

должна, конечно же, осуществляться через желание, понимаемое как сущность человека, то есть в плане субъективации, образа жизни, отношения к иному» (с. 377). А что же институты? Реализация подлинно человеческого, невзирая на институты внешнего принуждения, предстает идеализмом, особенно контрастным на фоне детального разбора концептуальных средств самопринуждения индивида, чье изобретение и совершенствование и составляет историю капитализма. Может ли быть, что автор усматривает революционный идеал в одном лишь освобожденном желании? Это не так, вернее, совсем не так просто. Крайне важен контекст высказывания, которого порой очень недостает тексту, оторванному от места его написания и произнесения. Член научного совета левореформистской ассоциации Attac (за взимание налога на финансовые спекуляции в пользу граждан), сотрудник Исследовательского института Объединенной федерации профсоюзов, Кристиан Лаваль знаком и с институтами неолиберализма, и с инструментами противодействия ему не только по опыту личного жизнестроительства. ■

ПУШКИН №1 2011